

на правах рукописи

Бердинских Иван Викторович

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ СИСТЕМЫ
СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ В СССР В 1930-1940-х ГГ.**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск 2007

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Аркадий Андреевич Тронин

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Алексей Андреевич Миронос

кандидат исторических наук, доцент
Подлевских Леонтий Геннадьевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»

Защита состоится 13 ноября 2007 г. на заседании диссертационного совета Д 212.272.01 при ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп.2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета –
канд.ист.наук, доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Настоящая работа представляет собой результат научного исследования одной из самых закрытых до недавнего времени тем новейшей отечественной истории – темы широко практиковавшихся в 1930-1940-е гг. насильственных переселений больших масс людей и даже целых народов.

Депортации можно определить как насильственные переселения, которые осуществлялись специальными службами и ведомствами (ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ). Подавляющее большинство людей, подвергавшихся депортациям, направлялось на спецпоселения. К середине 1930-х годов они сформировались в особую систему - со своей нормативной, производственно-хозяйственной и социально-бытовой инфраструктурой.

Актуальность данной темы подчеркивается своеобразием той исторической ситуации, которая сложилась после распада Советского Союза. Концептуальную и методологическую актуальность настоящего исследования определяют особенности возникновения и развития спецпоселенческой инфраструктуры на фоне жизни и деятельности миллионов людей, насильственно переселенных из родных мест, как правило, в отдаленные и малообжитые (или необжитые вообще) регионы СССР, ограниченных в гражданских правах и имевших нарицательный статус «спецпереселенцев» («трудпоселенцев», «спецпоселенцев»).

Российская Федерация как мультиэтничное государство при проведении своей современной национальной политики, особенно, на Северном Кавказе, ряде других регионов, обязано учитывать последствия этнических депортаций 1930-1940-х годов. Недооценка влияния пережитых депортаций некоторыми народами на их этническое самосознание привела в 1990-х годах к двум внутренним военным конфликтам, созданию постоянной зоны нестабильности на Юге России.

Система политической ссылки в Советском Союзе сталинского периода показывает противоречивость процессов развития формирования Российского правового государства. В наше время крайне важно эффективно гарантировать и реализовывать права граждан.

Объектом настоящего исследования является инфраструктура системы спецпоселений в Советском Союзе 1930-1940-х годов. При этом в инфраструктуре системы спецпоселений мы выделяем три основных уровня: политико-правовой, уровень управления и надзора, и, наконец, экономический. Тематическая специфика настоящего исследования предполагает, что в нем рассматривается история не депортаций вообще, а в основном, только инфраструктура системы спецпоселений.

Предметом настоящего исследования является формирование инфраструктуры системы спецпоселений в Советском Союзе 1930-1940-х годов.

Хронологические рамки исследования охватывают двадцать лет: от начала массовой «кулацкой ссылки» (1930-й год) до конца 1940-х годов. Этот период включает в себя этапы организационного становления, структурного развития и стабилизации системы спецпоселений.

Территориальные рамки исследования ограничиваются территорией СССР – в его довоенных и послевоенных пределах. Международные аспекты проблемы депортаций в данной работе не рассматриваются, как находящиеся вне круга вопросов, определенных основной темой.

Целью исследования является изучение особенностей формирования инфраструктуры системы спецпоселений в Советском Союзе 1930-1940-х годов и эволюции ее качественных характеристик.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели намечены следующие исследовательские задачи:

1. выявление нормативных документов по отдельным этапам формирования и аспектам функционирования инфраструктуры системы спецпоселений, их систематизация и критическое осмысление;

2. установление алгоритмов формирования инфраструктуры системы спецпоселений по типу: период - правовое основание - контингент депортируемых - регион выселения - регион вселения - нормативный статус в спецпоселении (в хронологическом порядке и, по возможности, с пространственно-географическими ориентирами);

3. анализ влияния инфраструктуры системы спецпоселений на различные стороны ее жизнедеятельности (административное управление и надзор, производственно-хозяйственную и социально-бытовую сферы, режимный статус, материальное положение и моральное состояние спецпоселенцев).

Методологическую основу настоящего исследования составляют принципы объективности и историзма, предполагающие учет всех факторов, влияющих на ход исторического процесса, критическое осмысление мнений исследователей. Эти методы использовались с целью наиболее эффективного решения поставленных исследовательских задачи.

Особенность работы заключается в широком использовании методов количественного анализа. Статистическая обработка содержащихся в источниках сведений была важным исследовательским приемом при анализе состава системы спецпоселений. Вместе с тем в диссертации используются такие специально-исторические методы исследования как историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный. Указанные методы применяются комплексно, их результаты взаимно дополняют друг друга. Этот путь ведет к характеристике и оценке общей инфраструктуры системы спецпоселений со своей внутренней эволюцией.

Степень изученности темы определяется совокупностью существующих исследований. Историография данного вопроса условно делится на пять больших хронологических периодов.

1. В 1930-1953 гг. проблема массовых депортаций и спецпоселений находилась в запретной зоне для исторического исследования. Исследователи не имели доступа к базам источников, поскольку вся соответствующая документация была строго засекречена. Не допускалась публикация никаких материалов, в которых упоминались бы депортации, спецпоселения и спецпоселенцы. Наряду с ГУЛАГом, не было, пожалуй, другой темы, исследование которой табуировалось бы в столь тотальной форме.

2. В период «оттепели» (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) появились некоторые надежды на изменение ситуации. Однако, вскоре стало ясно, что проблема депортаций и спецпоселенчества по-прежнему наглухо закрыта для исторического исследования и все наложенные прежде табу оставались в силе. Впервые о принудительных переселениях в СССР открыто заговорили за рубежом.

Первые специальные издания, постановочные и обобщающие исследования, посвященные этим вопросам, появились в Западной Европе и в США, причем очень рано (в 1950-х – 1960-х гг.). При этом зарубежные исследователи пытались раскрыть эту тему, несмотря на ограниченность имевшейся в их распоряжении источниковедческой базы.

Основным источником для них служили воспоминания очевидцев, поскольку среди советских перемещенных лиц (бывших военнопленных, оstarбайтеров, власовцев и др.), оставшихся после войны на Западе, находились и бывшие кулаки, и представитель депортированных народов, и другие люди, подвергавшиеся в СССР репрессиям, включая водворение в спецссылку. Уже в 1956 г. в Стокгольме (Швеция) была опубликована книга находившегося в эмиграции латышского общественного деятеля А.Шилде «По следам депортированных», посвященная судьбам депортированных советскими властями жителей Латвии¹.

В 1960 г. в США вышла книга американского историка Р.Конквеста «Советская депортация народов». В этой книге автор основывался на крайне скудных источниках: советских официальных изданиях (включая сравнения административно-территориальных карт и энциклопедий, материалы переписей 1926, 1939 и 1959 гг., и даже перечни подписных изданий Союзпечати); показаниях бывших австрийских военнопленных, репатриированных из Казахстана (где они сталкивались со спецпоселенцами, в том числе, с чеченцами); отчете английских альпинистов об экспедиции 1958 гг. в Приэльбрусье (куда уже начали в то время возвращаться депортированные балкарцы)².

Несмотря на это, Р.Конквесту удалось воссоздать достаточно близкую к реальности хронологию и статистику депортаций, а также (хотя и не совсем точную) их географию. Причем все сталинско-советские депортации он рассматривал как естественное продолжение колониальной политики царской России, облегченное компактной конфигурацией и сухопутностью (континентальностью) Российской Империи³.

3. В третьем периоде (1965-1985 гг.) о раскулачивании и об этнических депортациях поведал А.И.Солженицын в своем трехтомном опыте художественного исследования «Арихипелаг ГУЛАГ», впервые изданном в

¹ Риекстиньш Я. Депортация 14 июня 1941 года в Латвии//Увезенные: 14 июня 1941 года. Книга Памяти. – Рига, 2001. С.742, 744). Четверть века спустя, в 1982 году, там же, в Стокгольме (Швеция), были изданы списки интернированных в предвоенное время (в том числе 14 июня 1941 года) жителей Латвии («Эти имена обвиняют»). В этом издании впервые приведены наиболее полные сведения о жертвах первой «латышской» массовой депортации. (These Names Accuse. Nominal List of Latvians Deported to Russia in 1940-1941. – Stockholm, 1982).

² См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С.151-152.

³ Conquest R. Soviet deportations of nationalities. - L.-N.Y., 1960. – 204 p.

В 1972 году вышло первое издание «Атласа русской истории» М.Гильберта, где была представлена и карта обобщенных направлений этнических депортаций в СССР, - более точная, чем у Р.Конквеста, но все еще весьма приблизительная. (Gilbert M. Atlas of Russian History. – Doprset Press, 1985. – 148 p.).

Париже в 1973-1975 годах⁴. В главе второй первой части «Архипелага» автор дал картину депортационных потоков в СССР в период 1918-1956 годов.

В повествовании А.И.Солженицына присутствует ряд неточностей и преувеличений, обусловленных как отсутствием документальной базы, так и общей резко обличительной антисталинской и антисоветской публицистической направленностью этого произведения. Тем не менее «Архипелаг ГУЛАГ» вывел проблему массовых насильственных переселений в СССР на уровень планетарного масштаба, привлек к этой проблеме внимание мировой общественности, вызвал дополнительный интерес к ней в научно-исследовательских кругах.

Из работ, выходящих за рубежом, следует назвать также изданную в 1978 году на русском (в 1979 году – на английском) языке в Нью-Йорке (США) книгу бывшего советского гражданина, профессионального историка А.Некрича «Наказанные народы»⁵. Рукопись этой книги была подготовлена автором еще в первой половине 1970-х годов, когда он жил в СССР и, в отличие от Р.Конквеста, имел возможность личного общения с бывшими спецпоселенцами, сбора их устных и письменных свидетельств о пребывании в спецпоселении. Впервые этнические депортации в СССР рассматривались А.Некричем как целостная, малоизученная и, что особенно значимо, научная проблема.

В этот период, несмотря на прочность закрытия темы спецпереселений для исследований в СССР, на практике в окружавшей эту проблематику броне выявлялись отдельные слабые места, которые удавалось пробить советской исторической науке. Это касалось прежде всего освещения ряда аспектов истории спецпереселенческой системы в виде «кулацкой ссылки» в 1930-е годы. В 1972 г. вышла монография Н.А.Ивницкого «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932 гг.)»⁶. В книге использованы материалы Архива Политбюро ЦК КПСС, в который автор имел доступ летом 1964 года.

Все эти публикации не ставили под сомнение целесообразность и правомерность «раскулачивания» и депортаций, их авторы не употребляли «подцензурную» терминологию, не прибегали к нетрадиционной

⁴ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: опыт художественного исследования. В 3 тт. и 7 частях. – Париж, 1973-1975.

⁵ Некрич А. Наказанные народы. – Нью-Йорк, 1978. – 170 с.

⁶ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932 гг.). – М., 1972.

интерпретации фактов. Впервые в этот период в отечественной историографии были сделаны шаги в изучении вопроса о дальнейшей судьбе депортированных. Однако отсутствие доступа к массовой источниковедческой базе (и прежде всего к архивам спецслужб) давало о себе знать, и о всестороннем освещении истории той же «кулацкой ссылки» и речи быть не могло.

4. Первые научные статьи и публикации советских авторов непосредственно по проблематике депортаций и системы спецпоселений появились только в конце 1980-х годов – начале 1990-х годов, во время «перестройки».

Среди этих изданий, включая публикации мемуарного характера, в которых освещались вопросы насильственного переселения народов, пребывания их в местах высылки, можно выделить работы Г.Вормсбехера⁷, Х.Бокова⁸, Х.М.Ибрагимбейли⁹, А.Н.Кичихина¹⁰, и др.

В этот период сложилась несколько парадоксальная ситуация, при которой снятие запретов на публикацию работ и материалов по теме политических репрессий сочеталось с традиционным недостатком документальной базы, поскольку соответствующие архивные фонды по-прежнему были закрыты для исследователей.

Из работ этого периода (по сравнительно высокой документальной оснащенности) выделяются статьи В.С.Парсадановой (о депортациях населения западных регионов Украины и Белоруссии)¹¹ и В.А.Исупова (о демографических аспектах новейшей отечественной истории, включая систему спецпоселений)¹².

В целом же, вплоть до конца 1980-х годов историография проблематики насильственных переселений и спецпоселенчества в СССР носила преимущественно постановочный характер – из-за отсутствия архивной (и не только архивной) документальной базы. Ситуация резко изменилась на рубеже 1980-х и 1990-х годов, когда начали появляться публикации результатов работы возглавлявшейся Ю.А.Поляковым Комиссии Отделения

⁷ Вормсбехер Г. Немцы в СССР//Знамя. 1989. № 1.

⁸ Боков Х. Эхо невозвратного прошлого//Москва. 1989. № 1.

⁹ Ибрагимбейли Х.М. Сказать правду о трагедии народов//Политическое образование. 1989. № 4.

¹⁰ Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему?//Военно-исторический журнал. 1990. № 8, 9.

¹¹ Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939-1941 гг.//Новая и новейшая история. 1989. № 2.

¹² Исупов В.А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма// Актуальные проблемы истории советской Сибири. – Новосибирск, 1990.

истории Академии наук СССР по установлению истинных потерь населения СССР.

В конце 1980-х годов и в последующее время Земсковым В.Н. и его коллегами была опубликована серия статей и разделов в коллективных трудах, в которых, опираясь почти целиком на выявленный в спецхране ЦГАОР СССР (ГАРФ) уникальный архивный материал, была предпринята попытка раскрыть как историю спецпоселенчества в целом, так и ряда ее аспектов («кулацкая ссылка», спецпоселенцы из Крыма, депортации из Прибалтики и др.)¹³. Завершается эта серия публикаций изданной в 2003 году основательной монографией В.Н.Земскова «Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960»¹⁴.

В становлении и развитии историографии проблемы депортации народов, других групп населения, их жизни в условиях спецпоселения важную роль сыграли научные разработки Н.Ф.Бугая. Фактографической базой его трудов являются прежде всего уникальные документальные материалы, извлеченные из ранее засекреченных архивных фондов. Первая статья Н.Ф.Бугая по теме спецпереселений вышла в свет в 1989 году в журнале «История СССР»¹⁵.

В конце 1980-х и на протяжении 1990-х годов Н.Ф.Бугай опубликовал (преимущественно в академических журналах) серию научных статей, посвященных различным аспектам указанной проблематики¹⁶. В 1990-х годах изданы книги Н.Ф.Бугая, в которых освещены как проблематика депортаций в целом, так и отдельных этнических и социальных групп.¹⁷

Появление в конце 1980-х годов первых публикаций, опирающихся на документы советских спецслужб, открыло принципиально новый этап в развитии отечественной историографии системы спецпереселений и

¹³ Земсков В.Н. Спецпоселенцы: по документации НКВД-МВД СССР//Социологические исследования. 1990. № 11; Он же. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных. 1954-1960//Там же. 1991. № 1; Он же. Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг.//Там же. № 2. С.74-75; Он же. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект//История СССР. 1991. № 5; Он же. Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных. 30-е – 50-е гг.//Мир России. Т.У111. Социология. Этнология. 1999. № 4; Он же. «Кулацкая ссылка в 1930-е годы: численность, расселение, состав//Население России в XX веке. Т.1. – М., 2000; Он же.

Депортации населения. Спецпоселенцы и ссыльные. Заключение//Население России в XX веке. Т.2. – М., 2001; Он же. Судьба «кулацкой ссылки» в 1940-1954 гг.//Там же

¹⁴ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. – М., 2003. – 306 с.

¹⁵ Бугай Н.Ф. К вопросу о депортациях народов СССР в 30-40 годах//История СССР. 1989. № 6.

¹⁶ Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов//Вопросы истории. 1990. № 7; Он же. Депортация народов с Украины. 30-50-е годы//Украинский исторический журнал (Киев). 1990. № 10, 11; Он же. Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений//История СССР. 1991. № 1; Он же. 40-е годы: «Автономно немцев Поволжья ликвидировать...»//Там же. № 2; Он же. 40-50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР)//Там же. 1992. № 1; Он же. Депортация крымских татар в 1944 г.//Украинский исторический журнал. 1992. № 16; Он же. 20-40-е годы: депортация населения с территории Европейской России//Отечественная история. 1992. № 4; Он же. О выселении корейцев из Дальневосточного края//Там же. № 6; Он же. О переселении и депортациях еврейского населения в СССР//Там же. 1993. № 2; Он же. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока//Вопросы истории. 1994. № 5; Он же. Депортация населения в 1920-1930-е годы//Население России в XX веке. Т.1.

¹⁷ Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». – Элиста, 1991; Он же. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. 1944-1994. – М., 1994; Он же. Л.Берия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М., 1995; Он же. Российские корейцы и политика «солнечного тепла». – М., 2002.

спецпоселений. Вместе с тем работы Н.Ф.Бугая и Н.А.Земскова чаще всего опирались на отчетные документы Отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР, которые содержали обобщающую статистику, но не могли дать реальную картину формирования инфраструктуры системы спецпоселений 1930-х-1940-х гг.

5. С начала 1990-х и до настоящего времени историография спецпереселений пополнилась целым рядом работ, посвященных этническим депортациям и жизни депортированных.

Тематика этнических депортаций и спецпоселений активно разрабатывается в странах СНГ, а также в прибалтийских государствах. Например, только в Латвии в последние годы было издано несколько обстоятельных работ на эту тему.¹⁸ Иногда у авторов и составителей таких изданий явно ощущаются элементы русофобии, что можно объяснить, с одной стороны, болезненным синдромом постсталинизма, а с другой – не всегда адекватным, взвешенным и толерантным отношением к этим проблемам со стороны современных политических элит этих стран.

Серьезным историографическим явлением стал выход в свет в 2001 году монографии П.М.Поляна, посвященной истории и географии принудительных миграций в СССР.¹⁹ Эта работа находится на стыке истории и географии. Автор тщательно распределил все категории депортированных и спецпоселенцев по социальному, этническому, конфессиональному и иным признакам. Все принудительные переселения П.М.Полян квалифицирует как специфическую форму политических репрессий.

Монографию, посвященную преимущественно политическим, социально-демографическим аспектам спецсылки опубликовал в 2003 году историк В.А.Бердинских²⁰. Основным отличием и достоинством этого труда является наличие в нем обширного документально-справочного и нарративного материала, который составлен в основном из первоисточников, обнаруженных в местных архивохранилищах, а также воспоминаний и свидетельств очевидцев кулацкой ссылки и этнических депортаций в Вятском крае.

Говоря об издании документов и материалов о «кулацкой ссылке», следует отметить, что первые публикации такого формата появились не в центре, а в регионах (Карелия, Сибирь, Урал, Европейский Север).²¹ Заслуживает внимания четвертый том (в двух книгах) Коми республиканского мартиролога жертв массовых политических репрессий

¹⁸ См., напр.: Увезенные: 14 июня 1941 года. Книга Памяти. – Рига, 2001; Латвийский мартиролог Вятлага (1938-1956)/Сост.: Стродс Х., Веремьев В. – Рига: 2006.

¹⁹ Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001

²⁰ Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005.

²¹ Проблемы репрессивной политики на Европейском Севере России (1917-1956 гг.). – Сыктывкар: 1993; Из истории раскулачивания в Карелии. 1930-1931 гг.: Документы и материалы./Науч. ред. Ивницкий Н.А., Макуров В.Г. – Петрозаводск: 1991; Актуальные проблемы истории советской Сибири. – Новосибирск, 1990; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.): Сборник документов. – Екатеринбург, 1993; Спецпоселки в Коми области (по материалам сплошного обследования. Июнь 1933 г.): Сборник документов./Сост. Г.Ф.Доброноженко, Л.С.Шабалова. – Сыктывкар, 1997.

«Покаяние», целиком посвященный спецсылке в этом регионе и ее узникам²².

Из публикаций общероссийского масштаба следует назвать прежде всего документальную серию «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939», вышедшую в 1999-2001 годах²³, а также изданный в 2005-2006 годах в 2-х книгах сборник «Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940»²⁴.

К достоинствам как региональных, так и центральных публикаций (при всех их недостатках) можно отнести то обстоятельство, что они ввели в научный оборот большое количество ранее секретных материалов партийных, государственных и ведомственных архивов (документы партийных комитетов всех уровней, наркоматов и министерств, органов внутренних дел и госбезопасности, суда и прокуратуры, письма и жалобы репрессированных и т.д. и т.п.), без чего дальнейшие исследования новейшей отечественной истории было бы просто невозможным.

На фоне потока литературы по проблемам депортаций и спецпоселений, вышедшей в СССР и России с конца 1980-х годов до настоящего времени, до известной степени ушли в тень зарубежные исследования по этой тематике. Можно привести лишь несколько имен иностранных историков, посвятивших ей в последние годы монографическое исследование или хотя бы серию статей. Более или менее интенсивно разработка темы спецсылки продолжается в ФРГ и США. Германские историки изучают проблемы депортации поволжских немцев (А.Айсфельд, В.Гердт, Д.Дальман, Г.Хиршфельд)²⁵, а также «кулацкой ссылки» (С.Мерль).²⁶

Высоким уровнем критической проработки самых разнообразных источников отличаются работы американских ученых, в частности М.Гелба (о депортациях корейцев, финнов и других национальных меньшинств)²⁷ и П.Холквиста (о депортационной политике царской России в годы первой мировой войны, а также большевистской России – в первые годы советской

²² Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.4. Ч.1-2. – Сыктывкар, 2001.

²³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы в 5 томах/Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. – М., 1999-2001

²⁴ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940: В 2 кн./Отв. ред. Н.Н.Покровский, В.П.Данилов, С.А.Красильников, Л.Виола. – М., 2005-2006.

²⁵ Eisfeld A. Die Russlanddeutschen. - München, 1992; Eisfeld A., Herdt V. Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. – Köln, 1996; Dahlmann D. „Operation erfolgreich durchgeführt“: Die Deportationen der Wolgadeutschen 1941//Flucht und Vertreibung: zwischen Aufrechnung und Verdrängung. – Wien, 1994; Dahlman D., Hirschfeld G. Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. – Essen, 1999.

²⁶ Merl S. Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus//Geschichte im Wissenschaft und Unterricht. 1995. Jg.46. Heft 5/6.

²⁷ Gelb M. The Westerns Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations//Nationalities Papers. 1996. Vol.24. № 2.

власти)²⁸. Депортациям (а точнее – депортированным) большое внимание уделяется в монографии Й.О.Поля о тюремной системе СССР²⁹.

Вместе с тем во всех вышеуказанных трудах проблема формирования инфраструктуры системы спецпоселений не ставилась как самостоятельная и поэтому глубоко не исследовалась. Таким образом, выбор темы настоящего исследования является вполне оправданным и остро необходимым в современных условиях, когда собрано значительное количество как регионального, так и обобщающего материала.

К настоящему времени опубликован значительный массив документов, составляющих нормативную базу политической ссылки в Советском Союзе, что создает предпосылки для его углубленного изучения и проблемного анализа. Монографически исследованы проблемы депортаций (спецпереселений) целых народов в сталинскую эпоху, но совершенно в тени осталась инфраструктура спецпоселения, как места обитания репрессированных. Закрытию этих «белых пятен» и посвящено данное диссертационное исследование.

Источниковая база исследования. Источники, использованные в диссертационном исследовании, могут быть подразделены на следующие группы:

1. Неопубликованные архивные данные: Документы фондов центральных архивов, в том числе: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Материалы, обнаруженные в региональных архивах: Государственный архив Кировской области (ГАКО), Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО); Архангельский областной архив общественно-политических движений и формирований (АОА ОПДФ); Государственный архив

²⁸ Holquist P. "Conduct merciless mass terror": decosackization on the Don, 1919//Cahirs du Monde russe. 1997. Vol.28. No. 1-2. P.127-162.

²⁹ Pohl J.O. The Stalinist Penal System: A.Statistical History of Soviet Repression and Terror. 1930-1953. Jefferson, 1997.

Архангельской области (ГААО); Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований (КРГА ОПДФ); Национальный архив Республики Коми (НА РК), Архив МВД Республики Коми, Архив УВД по Кировской области, ведомственный архив Вятского ИТЛ НКВД-МВД СССР/Учреждения К-231 МВД СССР / Вятского УЛИУ Минюста Российской Федерации.

Архивные материалы, на базе которых преимущественно построено настоящее исследование, представляют разного рода межведомственную и внутриведомственную переписку, докладные записки в ЦК ВКП(б), Правительство СССР, руководству НКВД-МВД-МГБ СССР, заявления, обращения, жалобы, личные письма спецпоселенцев и членов их семей и другие. Особую ценность имеет текущая и сводная статистическая отчетность спецорганов, и, в первую очередь, спецпоселенческого ведомства – в центре и на местах. Это была закрытая статистика, предназначенная для предельно ограниченного круга особо доверенных должностных лиц, и, хотя она имела свои недостатки, но в целом была значительно полнее и достовернее аналогичных документов других государственных структур.

Среди материалов ГАРФ следует отметить фонд 9479 (Отдел спецпоселений НКВД-МВД СССР), фонд 9401 (Секретариат НКВД-МВД СССР), фонд 9414 (ГУЛАГ НКВД-МВД СССР), среди материалов региональных архивов фонд 144 НА РК (Государственный лесопромышленный трест «Комилес»), фонд 877 ГА КО (Вятский окружной исполком), фонд «Личные дела спецпоселенцев» Архива УВД по Кировской области и фонд «Управление лагерем» Вятского УЛИУ Минюста РФ.

2. Законодательные и иные нормативные акты, как федеральные, так и региональные. Данные источники востребованы автором как из опубликованных материалов, так и из справочно-правовых систем «Консультант-Плюс», «Гарант», «Кодекс». Особый интерес вызвали Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», впервые назвавшее

государственной целью «ликвидацию кулачества как класса»; основополагающее Постановление СНК СССР от 1 июля 1931 г. «Об устройстве спецпереселенцев», передававшее весь комплекс вопросов по спецпоселениям в ведение ОГПУ-НКВД СССР; Постановления СНК СССР от 8 января 1945 г. «О спецкомендатурах НКВД» и «О правовом положении спецпереселенцев», комплексно регулирующих сложившуюся систему спецпоселений и статус спецпоселенцев.

5. Электронные базы данных Фонда им. Андрея Сахарова «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы», «Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР».

6. Справочные материалы. Наиболее полезными при исследовании системы спецпоселений и ГУЛАГа, на наш взгляд, являются справочный 4-й том фундаментального семитомного издания «История сталинского ГУЛАГа³⁰» и справочник по ГУЛАГу под редакцией М.Б. Смирнова³¹.

7. Периодическая печать и публицистика. Здесь особо следует отметить роль периодических изданий в конце 1980-х годов. Тогда тема спецпоселений была впервые широко представлена для самого широкого круга читателей в газетах «Аргументы и факты»³², журналах «Знамя»³³, «Дружба народов»³⁴ и других.

Таким образом, источники, задействованные в диссертационном исследовании, весьма разнообразны и в своей совокупности позволяют решать поставленные исследовательские задачи.

Научная новизна работы заключается в попытке проведения первого комплексного исследования по истории формирования и функционирования инфраструктуры системы спецпоселений, по выявлению особенностей этой системы на разных этапах ее существования.

³⁰ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х-первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 т. Т.4. М., 2004.

³¹ ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Сост. М.Б.Смирнов. М.;СПб.,1998

³² Земсков В.Н. Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г.//Аргументы и факты. 1989. № 39; Он же. Численность и состав ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г.//Там же. 1989. № 40.

³³ Керсновская К.А. Наскальная живопись//Знамя. 1990. №№ 3-5

³⁴ Ким С. Исповедь сорен-сарам-советского человека//Дружба народов. 1989. № 4.

Научно-практическая значимость этого исследования определяется возможностью применения полученных результатов в дальнейших исследованиях как по истории депортаций и спецссылки, так и по социально-политической, экономической и этнической истории России XX века в целом. Обращение к данной теме в наши дни имеет значение не только для научного познания прошлого. Оно необходимо также и для решения ряда вопросов сегодняшней жизни, поскольку депортации 1930-х – начала 1950-х годов с их социально-демографическими последствиями породили и оставили в наследство немало острых и болезненных практических и юридических проблем, связанных прежде всего с реабилитацией сотен тысяч жертв этих депортаций, членов семей репрессированных. Кроме того, систематизированный и обработанный в настоящем исследовании материал может быть использован в музейно-экскурсионной работе, а также для программно-методического обеспечения преподавания курса отечественной истории (советский период) в высших и средних учебных заведениях.

Апробация работы. Результаты настоящего исследования апробированы на выступлениях, состоявшихся в ходе научных конференций: «Из истории российских спецслужб» (г.Киров, 21 апреля 2004 года); Всероссийской научной конференции «Гуманитарные ценности общества: история и современность» (Киров, ВятГГУ 24-25 ноября 2005г.); Международной научной конференции «Вторая Мировая война в зеркале исторической памяти России и Германии» (Франкфурт/Одер, университет Виадрина, 30 июня – 2 июля 2005 г.); XIX Международной научной конференции «Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции» (г.Санкт-Петербург 15-16 мая 2006 г.); Летней совместной научной конференции Университета Калифорнии (Сан-Диего, США) и Санкт-Петербургского государственного университета «Россия и мир в XX веке. Социально-этнические миграции и национальные государства» (г.Санкт-Петербург, 6-17 июля 2007 г.).

Структура настоящего исследования обусловлена решением поставленных в нем задач. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний, библиографии и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы и ее научная новизна, определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, сформулированы цель и задачи работы, рассмотрены историография вопроса, источниковедческая база и методология исследования.

Первая глава – «Политико-правовые основы возникновения и развития советской системы спецпоселений в 1930-1940-е годы».

В первом параграфе – «Возникновение массовой политической ссылки в Советском Союзе: «кулацкая ссылка» - дается характеристика и хронология раскулачивания и депортации раскулаченных крестьян, рассматриваются различные категории депортированных в 1930-х годах, основные депортационные операции спецслужб, законодательное и нормативное сопровождение этих операций, количественные параметры и географические координаты «кулацкой ссылки» и других насильственных переселений этого периода, анализируется их юридическая сторона, выявляются социально-экономические и демографические последствия.

В общей сложности за 1930-1937 годы были высланы 2.464.250 человек, а всего с начала «сплошной коллективизации» и до начала Великой Отечественной войны – около 4.000.000 человек (вместе с освобожденными из тюрем и лагерей и отправленными на «спецпоселение») (31).

Масштабы «спецпереселения», охватывавшего прежде всего крестьян, расширялись из года в год – как по социально-демографическому, так и по географическому вектору. Основная, если не определяющая, задача этой системы обуславливалась необходимостью освоения новых территорий и

обеспечение их «дешевой рабочей силой». Выселяемые направлялись на предприятия и в организации НКВД (Беломорско-Балтийский комбинат, Воркутлаг, Норильлаг, комбинат Севникель), на строительство Байкало-Амурской магистрали, освоение безлюдных районов Казахстана и других.

Вместе с тем в середине 1930-х годов в процессе массовых депортаций начинается заметный переход от социально-классового принципа выселения – к национально-этническому. Общее количество депортированных по национальному признаку в 1933-1937 годах можно оценить, по имеющимся данным, примерно в 260 000 человек. Подавляющее большинство из них составили выселенные при проведении пограничных зачисток, при этом около двух третей пришлось на «корейскую» операцию 1937 года

«Кулацкая ссылка» коренным образом отличалась от подобного рода акций дореволюционной России. Во-первых, она была небывало массовой. Во-вторых, массовая депортация крестьян не была предусмотрена действующим законодательством.

Третья особенность «кулацкой ссылки» заключается в том, что по своему социальному составу она была исключительно крестьянской. Четвертое: последствия крестьянской ссылки повлияли на развитие страны в целом. Посредством ее удалось заставить миллионы крестьян войти в колхозы. Таким образом была сформирована система, сделавшая всех крестьян, без исключения, гражданами второго сорта, наиболее бесправным сословием в СССР.

Во втором параграфе – «1941-1944 годы: период этнических депортаций» - воссоздается картина массовых принудительных выселений польских «осадников» и «беженцев», жителей западных регионов Украины, Белоруссии и Молдавии, семей «социально опасного элемента» из Прибалтики – с целью профилактических зачисток этих территорий от неблагонадежных лиц в преддверии надвигавшейся войны с Германией.

За этот период в составе спецнаселения произошли коренные структурные изменения. Если еще в начале 1941 г. среди спецпереселенцев

(трудпереселенцев) и ссыльных отсутствовала такая категория, как депортированные народы, то к концу 1944 года представители последних среди почти 2.500.000 спецпереселенцев, ссыльнопоселенцев и административно высланных составляли примерно 1.800.000, или более 70 процентов.

Политика репрессий против многих народов СССР была длительной и целенаправленной. Стратегически она обосновывалась высшим руководством страны как одно из средств преодоления целого ряда чрезвычайных обстоятельств: невероятным напряжением начала 1940-х годов (подготовка к войне), тяжелейшим в истории страны военным лихолетьем, необходимостью восстановления народного хозяйства и, наконец, подготовки к новой войне.

Главная особенность формирования нормативной базы спецпереселенчества в этот период заключается в том, что формально-правовая составляющая здесь была вторичной: юридическое обоснование депортаций следовало, как правило, за применением репрессии. Другая общая особенность подавляющего большинства этнических выселений военных лет заключалась в том, что они имели административный, то есть внесудебный характер.

В третьем параграфе – «1945-1950-е годы: стабилизация системы спецпоселений и предпосылки распада» - выявляются особенности депортаций и функционирования системы спецпоселений послевоенных лет, заключающиеся в пополнении ее за счет новых массовых контингентов («власовцы», «оуновцы», семьи «бандитов и бандпособников», члены нетрадиционных конфессий, крестьяне-«указники» и др.), в ужесточении режима и надзора за спецпоселенцами и одновременно – в начале распада «кулацкой ссылки», усилении симптомов нежизнеспособности системы спецпереселенчества в целом.

Это время упрочения инфраструктуры спецпоселений, ужесточения режима в них, а также массовой репатриации из стран Европы советских

военнопленных, эвакуированных германскими войсками этнических немцев и коллаборационистов, сотрудничавших с оккупационными властями. Общее количество принудительно депортированных в послевоенные годы, по имеющимся данным, может быть оценено примерно в 380.000-400.000 человек. В то же время произошел определенный сдвиг в географии вселения: все более заметное место отводилось Сибири, тогда как доля Казахстана и Узбекистана несколько сократилась.

Одновременно на протяжении второй половины 1940-х гг. все более отчетливо проявлялись тенденции размывания системы спецпоселений – как предпосылка ее окончательного распада в последующий период (в основном в середине 1950-х годов).

Несмотря на массовое освобождение ряда контингентов, к началу 1950-х годов система спецпоселений в СССР достигла своего количественного пика. По данным на 1 января 1953 года, на спецучете состояли 2.753.356 человек, из них в наличии были 2.694.197. Таким образом, к 1953 году на спецпоселении содержалось максимальное число людей за весь советский период отечественной истории.

Вторая глава – «Особенности инфраструктуры системы спецпоселений».

В первом параграфе – «Особенности структуры управления и надзора в спецпоселениях» - раскрываются нормативная база административно-управленческой структуры спецпоселений на центральном, региональном и местном уровнях, принципы ее функционирования, права и обязанности спецкомендатур, порядок осуществления надзора за спецпоселенцами, организации гласного и негласного надзора за ними и некоторые другие специфические стороны этой сферы жизнедеятельности спецссылки.

Нормативная и организационная инфраструктура системы спецпоселений в СССР была в основном создана к середине 1930-х гг. Если 1930-1932 гг. - это период массового переселения «раскулаченных», то 1933-

1936 гг. - время формирования устойчивой сети спецпоселений, их административно-хозяйственного устройства, разработки нормативных документов о спецпоселках и спецпереселенцах, что явилось базой для еще более масштабных принудительно-депортационных акций в 1940-х гг.

Аппарат надзора за спецпоселенцами, ссыльнопоселенцами, ссыльными и высланными (по данным на 1 января 1953 г.) составлял 10 752 человека, в том числе: сотрудники центрального и территориальных аппаратов управления – 1 044, сотрудники горрайорганов – 1 861, коменданты спецкомендатур – 2 893, помощники комендантов – 1 861, надзиратели – 2 801, личный состав оперативно-розыскных подразделений – 1 217.

Политическое руководство страны еще в начале 1950-х гг. рассчитывало сохранить систему спецпоселений в практически неизменном количественном и структурно-административном ее составе, укреплялся управленческий аппарат всех уровней, ужесточались режим и надзор.

Во втором параграфе – «Экономическая эффективность спецпоселений» - предпринимается попытка обосновать характеристику экономической сущности депортаций и спецпоселенчества как составной части сталинско-советской модели хозяйствования – с ее волюнтаризмом и чрезвычайщиной, безвозвратной мобилизационной затратностью и полным пренебрежением к человеческому фактору.

Одной из стратегических задач системы спецпоселений было освоение необжитых и малообжитых регионов СССР – в русле реализации мобилизационной модели экономического развития страны. В 1930-1940-х гг. система спецпоселений составила ранее неизвестный и не прогнозировавшийся сектор советской экономики, создававший в форсированные сроки и функционировавший в экстремальных условиях.

На ранней стадии своего формирования (1930-1934 годы) сеть спецпоселений имела убыточный характер, с огромными безвозмездными бюджетными затратами на ее становление и содержание. Последующий

период может считаться временем, когда экономика спецпоселений стала органичной частью сталинско-советской экономической модели.

В итоге указанного разделения по типам организации и сферам применения труда депортированных сложились и две организационно-экономические подсистемы.

Первая из этих подсистем – аграрно-колониационная – существовала в районах освоения новых территорий Севера и Востока СССР. Фактически она была предназначена для того, чтобы дополнить в качестве аграрной составляющей экономику тех территорий (или прилегающих к ним регионов), где шло интенсивное промышленное и транспортное их освоение.

Вторая подсистема – производственно-промышленная – являлась составной частью открытых хозяйственных комплексов, построенных в годы первых пятилеток, где в значительных масштабах требовался массовый физический труд различной квалификации.

Экономический эффект от деятельности системы спецпоселений, можно с уверенностью сказать, был намного ниже того, что водворенные в нее люди могли бы принести своим трудом на родной земле. Несомненно, что в конечном счете государство проиграло, вырвав их из прежней среды обитания и заставив своих граждан осваивать окраинные территории

В третьем параграфе – «Спецпоселение как среда обитания» - на основе документальных материалов анализируются проблемы жилищно-бытового устройства и продовольственно-вещевого обеспечения спецпоселенцев, оборудования спецпоселков, создания в них условий для жизни и труда людей.

На основе этого анализа делается вывод о том, что спецпоселенцы всех категорий (в том числе огромное количество детей) в 1930-1940 годах существовали в невыносимых, экстремальных условиях, которые усугублялись произволом административного персонала.

Все это превращало спецпоселки в среду постоянных житейских катастроф, а в итоге государственная политика и поведение местной

администрации по отношению к спецпоселенцам, а также общее положение в «местах обязательного поселения» привели к гибели огромного числа депортированных.

Первоначальная идея превратить систему спецпоселений в некую основанную на подневольном режиме и принудительном труде самодостаточную, самообустриваемую и самоснабжаемую структуру оказалась фикцией, обернулась потерей гигантских материальных, финансовых, демографических ресурсов.

В параграфе четвертом – «Человек в спецпоселении» - рассматриваются аспекты правового (нормативного) статуса спецпоселенцев, их обязанности и права, реальное положение в местах ограничения свободы.

Возникнув в 1930-1931 годах, статус спецпереселенца (трудпоселенца – спецпоселенца), частично меняя некоторые свои второстепенные параметры, в целом просуществовал до начала 1960-х годов и в самом общем виде базировался на незыблемом постулате: спецпереселенцы «не являются свободными гражданами СССР, а являются гражданами СССР без права выезда с мест их поселения», наблюдение за которыми возложено на соответствующие карательно-исполнительные органы (ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ).

К концу 1940 годов в системе спецпоселений в результате реализации советским режимом широкого диапазона мер – от репрессивных до патерналистских – на смену экстремальной пришла нормативная повседневность. Претерпели очевидные изменения и поведенческие ориентиры основной массы спецпоселенцев. «Оседание» в местах вынужденного расселения становилось для них привычным.

В заключении подведены основные итоги исследования, сформулированы выводы.

Существовавшая на протяжении почти трех десятилетий советская система спецпоселений – явление уникальное в мировой и отечественной истории.

В 1930-х – начале 1950-х годов осуществление массовых депортаций стало в СССР обычным явлением, приобрело отлаженную технологичность и невиданную прежде масштабность, использовалось советским руководством как один из важных компонентов решения многих задач политического, экономического и социального характера.

Определяющей особенностью депортаций являются (наряду с репрессивным содержанием и политической мотивированностью) их административный (внесудебный) характер и направленность не на конкретное лицо, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху параметрам и критериям (социальным, национальным, конфессиональным и др.).

Всего за период 1930-х – 1950-х годов через все формы спецпоселения прошли, по усредненным оценкам, не менее 6 000 000 человек. За время существования системы спецпоселений при транспортировке в места высылки и находясь в них умерли не менее 1 200 000 человек, или около 20 процентов.

Тотальной этнической чистке (с лишением их родины, то есть устоявшейся и привычной среды обитания) подверглись следующие народы: немцы, финны, ингерманландцы, калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы, хемшилы, курды, иранцы, ассирийцы и корейцы.

Инфраструктура системы спецпоселений была сформирована на внеправовой основе. Другой существенной особенностью системы спецпоселений стало то, что одновременно с формированием инфраструктуры спецпоселений сформировался и институт управления и надзора, ранее неизвестный в мировой пенитенциарной практике.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих опубликованных работах автора:

1. Бердинских И.В. Нормативные основы политической ссылки в СССР (30-50-е годы XX века) // Проблемы истории российских спецслужб. Киров, 2004, с.74-79.
2. Бердинских И.В. Особенности депортации советского населения в 1941-1945 г.г (на примере Кировской области РФ)// Российская провинция в эпоху тоталитаризма (1930-1940-х годов). Материалы немецко- российского проекта. Франкфурт-на-Одере –Киров,2005. На русском и немецком языках., с. 56-68.
3. Бердинских И.В. Депортация латышей 1941 г.//Гуманитарные ценности общества: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции 24-25 ноября 2005 г. Киров, 2005. с.157-160.
3. Бердинских И.В. Законодательная база и политическая ссылка в Советском Союзе 1930-1940-х г.г.//Вестник Академии российских энциклопедий. Челябинск, 2005. № 2(16), с.27- 30.
4. Бердинских И.В. Проблемы депортаций в эпоху сталинской диктатуры//Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции. Материалы XIX Международной научной конференции в Санкт-Петербурге 15- 16 мая 2006 г. СПб, 2006. часть 2, с. 33-37.
5. Бердинских И.В. Депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник ВятГГУ. 2006. №15. с.139-142
6. Бердинских И.В. Спецпоселенцы в начале Великой Отечественной войны//Вопросы истории, 2007. № 4,с. 153-155.
7. Бердинских И.В. Архив Вятлага НКВД-МВД СССР и его история // Отечественные архивы. 2007. №3. с.13-18.